

А.Довженко || «Правда» №263, 24 октября 1943 года

Проклятие и смерть гитлеровским палачам!

Убийство Зои Космодемьянской

Недавно в сумке немецкого мертвеца обнаружены пять фотографий, которым суждено пережить столетия. Пять фотографий, как пять дактилоскопических автоснимков преступников-любителей, как пять грозных статей приговора над подонками человечества, останутся в истории, как трагические шрамы эпохи, как дорогие знаки вечной славы девушки нашей страны.

Смотрите, люди! Это Зоя Космодемьянская. Смотрите, девушки, воины, дети, смотрите, господа международные политики! Вот она идёт на смерть, бессмертная среди немецких мертвецов.

Холодно Зое. Опухшие от мороза и побоев руки её сжаты в кулаки, как у бойца; босые, в одних лишь чулках, ноги почернели за страшную ночь от мороза. Опухли искусанные в кровь губы: двести ударов немецких ремней всю ночь выбивали признания из нежных девичьих уст и не выбили. Не закричала, не заплакала, не застонала. Всё, что могло обрушиться на девушку тупое немецкое насилие, аморальность, жестокость и бессильную ненависть к русскому народу — всё перенесла молодая русская душа. Волосы мокры, смотрите, от величайшего напряжения всех страстей гневного сердца, и кажется — кровавый пар подымается ввысь от прекрасной головы.

— Да, я ненавижу вас, немецкие палачи, всей моей ненавистью, помноженной на ненависть моего народа! — говорит вся её напряжённая девичья фигура.

— Пусть я погибла. Пусть петля, которую вы принесли на мою русскую землю, оборвёт мою жизнь, пусть я умру битая, замученная вами, пусть не познала я, не успевшая ещё вырасти, жизненных утех и радостей, не родившая народу моему детей, пусть погибну я неосуществлённой матерью, — я победила вас. Терпка моя чаша, но несокрушима моя воля. Я русская комсомолка, понимаете ли вы? Не прикасайтесь ко мне, глупые, убогие палачи! Я сама взойду на эшафот с вашим плакатом на груди и с бутылками бензина, которыми я хотела вас сжечь.

Вы били меня перед смертью, вы отморозили мне ноги, вы глумились надо мною. Теперь сфотографируйте меня в своём подлом окружении. Пусть увидит мир, как ничтожны и глупы вы, пусть художники всматриваются в преступные ваши улыбки, в опущенные ваши глаза и тупые ваши немецкие обличья, чтоб научиться изображать на

картинах палачей и убийц.

Пусть предстану я — повешенная среди вас — перед честным миром, чтоб видели меня вся русская земля, весь родной мой Советский Союз, весь мир, чтоб вздымался он ненавистью к вам, глядя на мою сломанную девичью шею, чтоб священное пламя ненависти к вам пылало в сердцах сестёр моих во всём мире!

Когда отделилась она от земли и мёртвая застыла на морозе, когда, склонивши набок молодую свою голову, она, наша родная Зоя, притихла, только тогда, очевидно, покинул её гнев. Он ушёл от нее вместе с последним вздохом, чтобы развеяться по всему обездоленному миру, понестись ветрами к сёстрам своим на Украину, в Белоруссию, Польшу, на Балканы в Югославию, в Чехию, по всем славянским землям.

— Посмотрите, что со мной сделали. Нет, вы только посмотрите, люди!

Руки ее повисли вдоль стройного, как у мальчика, тела, и ноги застыли навеки, носочками внутрь. И только тогда, кажется, посмел палач-фотограф подойти к ней поближе и запечатлеть ещё на одной фотографии злодеяние своего подлого гитлеровского государства.

Что точно сказала Зоя на эшафоте? Какими словами презрения и гнева заклеимила убийц, погубивших молодую жизнь её и многих тысяч её родных сестер? Какие слова пламенной веры в победу, в отмщение, в жизнь и честь великой нашей отчизны выкрикнула она наспех, когда немецкая петля уже стягивала её красивую шею, когда ускользали из-под ног подмости и родное русское село поплыло перед глазами, — мы не знаем. И, может быть, поражённые ужасом, согнанные к месту убийства, невольные свидетели злодеяния не могут поручиться за точность её слов, но мы, современники грозной эпохи, знаем, что нашедшая в смерти бессмертие Зоя сказала живым и грядущим самые дорогие наши слова:

— Да здравствует Родина, да здравствует верность, бесстрашие и победа! Да здравствует Сталин!

И ни один ни поэт, ни историк не ошибутся, когда припишут Зое в высокую вдохновенную минуту творчества самые великие и чистые слова.

Напишутся книги, пропоются возвышенные стихи, родятся картины, и слава Зои перейдёт в века из рода в род для вдохновения чистой нашей юности, которой всегда цвела и будет процветать наша земля.

Пусть сгинут немецкие палачи!

Пусть сгинет фашистская тьма! // **Александр Довженко.**